

Женерши. м-р-
студие
н/р. А. Васильева

ПРАВДА
г. Москва

По Стране Советов

22 сентября 1987 года ● № 265 (25252) ● 3



Легко ли открыть театр,

когда режиссер не похож на других

Почти год тому назад газеты объявили о создании в Москве нового экспериментального театра под руководством Анатолия Васильева. Наконец-то! — вздохнули с облегчением люди, знавшие, какие бесконечные скитания и мятарства претерпел этот режиссер, прежде чем получить в руки столь многообещающее решение. Но вот прошел год — решение есть, а где находится театр Васильева, где существует его «Школа драматического искусства»?

Долго, слишком долго держали его в молнии, начинали, все приглядываясь — а сможет ли? Хотя уже на курсе М. О. Кабелъ и А. А. Попова он работал как самостоятельный художник. Вот так и получилось, что за свои 45 лет Васильев сумел поставить всего 5 больших спектаклей. Почему жизнь Васильева складывалась из постоянных улодов? И откуда? Из МХАТа — дважды, из театра Станиславского, из Театра имени Ленинского комсомола, из Театра на Таганке — дважды... Многие огорчались, жалели, что потеряли режиссера такой высокой одаренности, но никто всерьез не задумался о том, что режиссер талант требует особого, бережного отношения.

Позвольте, спросит ныне, каких это особых условий, каких привилегий? Что за выщипка такая? Пусть работает, как все, «чередежник», выдает «чидановые» постановки.

Вот тут и начинались конфликты, да не только с «чинюниками», а с близкими друзьями — с тем же Ефремовым, Захаровым, Эфросом, хотя желали они ему только добра. Васильев виновато смотрел на них своими печальными глазами, отодвигал с белого лаба спутанные пряди волос и упрямо раздвигал руками: «Нет, право, не могу, еще перепетировать надо...» И все

театральные планы трещали по швам.

Так, с потерей многих лет, с болью расставаний и горечью обид наконец-то выяснилось, что Анатолий Васильев — режиссер, владеющий своей театральной идеей, стойко несущий свою веру в искусство и достойный того, чтобы для него был создан свой особый театр. Свой театр — как легко это написать, но как трудно осуществить...

Идеи, им выстраданные, яхтятся своими корнями от Станиславского, Михаила Чехова, Ежи Гротовского, хотя и разветвляются по-своему, но так же крепко держат в центре человека-творца. Метод Анатолия Васильева привлекает своей таинственной непредсказуемостью. Вряд ли стоит заговаривать его в рациональные формулы. (Помните, Нильс Бор говорил, что искусство подому и бессмертно, что не поддается системному анализу). Собирая вокруг себя некое «братство» близких людей, способных пройти «школу» самосовершенствования, Васильев устремляет их в неизведанные глубины подсознания человеческой психики. «Школа» объединяет актеров взглядом на мир, ансамблем, способным подлинным чувством, рождающим тончайшую атмосферу, которая берет зрителей в магический плен.

«Школа» Васильева не предполагает постоянной труппы: актеры из разных театров собираются вместе, чтобы реперировать выбранную пьесу, а потом играть сколько нужно, подра, пока спектакль жив. Года два назад в Малой сцене Театра на Таганке так был поставлен спектакль «Серсо» Виктора Славкина в сценарии Игоря Попова. Шел он редко, вызывал споры, попасть на него было нелегко, хотя при-

сали о нем мало. Так бы и почил в чужих дребнях, как другие васильевские спектакли.

Помог случай: «Серсо» пригласили на фестиваль в Штутгарт, оттуда — в Роттердам, потом — в Лондон. Везде ему сопутствовал успех, очевидно, затронувший созвучные душевные струны зрителей. Актеры привезли полсотня восторженных рецензий: «Триумф психологического реализма», «Чехов еще не умер!», «Прорыв на свободу», «Впервые мы воочию увидели, что такое «ласпелость» в экспрессивности свободной мысли из России». Недавно Васильева позвали показать «Серсо» на фестивале в Каунасе, сейчас — в Югославии.

Вряд ли кто знает теперь старинную детскую игру серсо. Тонкой шпалкой поддеть в легкое кольцо, закрутить и захватить парить в небеса, пока кто-то не низвергнет его вдали на свою шпалку. У кого окажется больше колец, тот выиграл. Простенькая игра, но в спектакле Васильева она становится поэтической метафорой, символом духовного полета. Давайте сыграем?

Компания немолодых людей пришла на уик-энд к другу, у которого давным-давно стоит полузабытая заколоченная доска. Стул, грохот, отдирают доски, со скрипом открывают окна террасы. Боже, какая рухляди! «Ты обманул нас, Петушок!» Друзья шмыряют в глубине, переоденутые в старинные платья, заводят музыку, пробуют какой-то забытый танец. Забыв все это?

«Да, я обманул вас, — признается хозяйка дачи по прозвищу Петушок (А. Филозов). — Мне просто хотелось собрать вас всех вместе, потому что вы одинокими... Может, и в сорок лет еще не позд-

но... Давайте отключимся и не спеша войдем в этот выдуманный мир без суесть. Пары кружатся, словяются, как заводные.

И вдруг в этот страшный маскарад мелькающих теней входит один посторонний человек — грузный старик в старомодном котелке по прозвищу Кока (А. Петренко). Тот, что когда-то давным-давно жил здесь, любил хозяйку дома, был ее мужем всего восемью днями, — но каких! — а теперь достает свое пожелтевшее брачное свидетельство — давая принадлежит ему. Вместе с ним выходит Дух дома, его заветная родословная, его ушедшая поэзия.

Прошлое проникает в дом, располагается вокруг белой террасы. Горят свечи. Узкие белые конверты плавно, как птицы, передаются из рук в руки, словно совершая священный ритуал. Из писем случайно выпархивают слова той большой незабытой любви, той духовности, что некогда теплилась здесь.

Люди расходятся вокруг террасы, и каждый приподнимает свое серсо. Вот взлетело одно кольцо туда, в зеленый туман, где его, быть может, ждут. Тот завертелось другое. Летящие кольца уносят с собой тайну чувства, которое не может быть забыто. Ветер подхватывает летящее прошлое, чтобы занести его на шпалку настоящего. И вы чувствуете, что горло ваше перехвачено исполнением.

А потом приходит пора прощаться. Уже гремят молотки, забиваются ставни. Потанцуют осенним холодом. Надо уходить. И только когда все заколочено, вдруг взлетает на верхнюю террасу легкий Петушок, сдвигает целлофан с роля и кладет руки на клавиши. Аккорд, и вот уже от-

чаянно, почти бравурно звучит та мелодия, которая чуть слышно веда весь спектакль.

Да, «Чехов еще не умер», если и сегодня в далеких городах его заколоченный «вишневый сад» вдруг прорывает ответный вихрь таких беспомощных, таких потерянных, но таких высоких чувств.

...Последний спектакль этого сезона — «Шестеро персонажей в поисках автора» Луиджи Пиранделло был поставлен легко и быстро, словными игроками. Это пока дипломный спектакль заочного режиссерского курса ГИТИСа, студенты приезжали на короткий срок весенней сессии, и тут можно было только импровизировать по мотивам пьесы, надеясь, что впереди — еще осенняя сессия.

В распоряжении режиссера был только узкий подвал на улице Воровского, где его театр собирается и поныне. Здесь нет ничего — ни сцены, ни зала, ни кулис. Из этого «ничего» Васильеву с помощью художника Попова и пришлось сотворить нечто такое, что поразило всех зрителей. Тонко говоря, зрителей в спектакле не было. Зал, спервающий античной близкой, был пересечен по диагонали поджатыми светлыми занавесом. Нам предлагали сесть на указанные стулья, в перерыве их перемещали — так, чтобы мы не ожидали для себя становились не только зрителями, но и участниками действия.

У Пиранделло актерскую репетицию прерывал шестеро человек с улицы, которые приносили с собой свою неуманную драму, требовали тут же ее разыграть. Режиссер Васильев как бы говорит: извольте проснуться, попробуйте влезть в шкуру действующего лица, пройти вместе с ним че-

рез постыдого, смешного и трагичного — до смертельного финала. Тогда вас будет уже не шесть, а сто шесть персонажей, которым надо воскресить свое прошлое, исповедаться. Белый занавес пересекает и нашу жизнь тоже. В его складках слышится выстрел — падает мальчик, безмолвно смотревший на все со стороны: перед ним вдруг открылась правда прошлого, и он не захотел будущего. «Он умер, умер...» — шестидесять голосов смешивается с игрой, балансируя на грани смерти. Никогда поднимая смятый, потрясенный финальным ударом. Возможно ли в театре найти «другую жизнь», вернуть человека к другой реальности? Театр Васильева задает нам вопрос и ждет ответа.

...Пройдет фестивальный сезон. Наступит будня. А с ними поднимутся все те же нерешенные вопросы: где будет работать театр Васильева? Сколько понадобится усилий, чтобы выселить два учреждения из бывшего кинотеатра «Уран» на Сретенке, предназначенного для будущей «Школы драматического искусства»? А сколько утечет времени, пока этот драхлый «Уран» реконструируют? Лет 5—6? И все эти годы в распоряжении режиссера будет только подвал, где можно лишь репетировать и проводить эксперименты со студентами, но где ни одна настоящая спектакль поставить немыслимо.

Да, Васильев владеет одним только даром — даром режиссера. Он не умеет, как другие, отвечать и захватывать себе помещения, не обладает «пробивной» силой, не имеет «железных локтей», не способен ходить «по инстанциям». Мы в долгу у него, просто обязаны ему помочь.

М. СТРОЕВА.
Доктор искусствоведения.